

Й. С. Страшнюк

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**ЖЕНЩИНА в русском ассоциативном сознании:
динамический аспект**

Страшнюк Й. С. ЖЕНЩИНА в російській асоціативній свідомості: динамічний аспект. У статті піддаються лінгвокультурологічному аналізу структура і зміст асоціативного поля ЖЕНЩИНА, сформованого реакціями сучасних російськомовних харків'ян, виявляються особливості жіночого та чоловічого асоціативного реагування, експлікуються нові семантичні зв'язки та акценти в асоціативній структурі відповідного концепту. Показано, що ядро асоціативного поля становлять номінації, які реалізують ознаки «материнство» і «краса», при цьому опозиція ЖІНКА – ЧОЛОВІК, що визначала цей концепт раніше, виявляє тенденцію до деактуалізації.

Ключові слова: мовна свідомість, асоціативний експеримент, концепт, гендер.

Страшнюк Й. С. ЖЕНЩИНА в русском ассоциативном сознании: динамический аспект. В статье представлен лингвокультурологический анализ структуры и содержания ассоциативного поля ЖЕНЩИНА, сформированного реакциями современных русскоговорящих харьковчан, выявлены особенности женского и мужского ассоциативного реагирования, эксплицированы новые смысловые связи и акценты в ассоциативной структуре соответствующего концепта. Показано, что ядро ассоциативного поля составляют номинации, реализующие признаки «материнство» и «красота», при этом оппозиция ЖЕНЩИНА – МУЖЧИНА, ранее определявшая рассматриваемый концепт в русском языковом сознании, обнаруживает тенденцию к деактуализации.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, концепт, гендер.

Strashniuk I. S. 'ZHENSHINA' (WOMAN) concept in Russian associative consciousness: a dynamic aspect. The article is devoted to a linguistic and culturological analysis of the associative field «ZHENSHINA» (WOMAN) formed by reactions of modern Russian-speaking Kharkov citizens. Peculiarities of male and female associative reacting are revealed, new semantic connections and accents in the associative structure of the concept being researched are explicated. It is shown that the kernel of the associative field contains nominations representing patterns «motherhood» and «beauty» while the opposition WOMAN – MAN previously determined this concept in the Russian language consciousness now has the tendency of deactualization.

Key words: language consciousness, associative experiment, concept, gender.

Одной из актуальных задач современной антропоориентированной лингвистики является исследование динамики коллективного языкового сознания, широко проявляющейся в процессах неологизации, возникновении новых социолингвальных феноменов, а также в реструктуризации лингвокультурных концептов в соответствии с изменениями в массовом сознании. Под *языковым сознанием* в данном случае понимается «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [8]. Такая трактовка феномена языкового сознания принята в Московской психолингвистической школе, в течение последних 20 лет масштабно реализующей ассоциативно-вербальное направление в исследовании этнокультурной специфики языкового сознания и поставившей ассоциативные поля и тезаурусы как совокупности этих полей по своему значению в один ряд с такими формами фиксации общенационального словаря, как академические грамматики и толковые словари. Главное преимущество ассоциативного подхода в когнитивных направлениях лингвистики и психолингвистики состоит в том, что он обеспечивает спонтанность, непредвзятость реакций респондентов, представляя некую объективную данность об актуальных, психологически реальных семантических связях слов и образах сознания, стоящих за ними в той или иной лингвокультуре [1; 3; 9]. Это же обстоятельство, а также быстрота получения данных делают ассоциативный эксперимент продуктивным методом диагностики изменений параметров языкового сознания в рамках отдельно взятых социальных групп, а также в региональных, национальных и даже более широких масштабах.

Отчетливой тенденцией антропологических исследований последних 10 лет является строгое соблюдение гендерного подхода, внимание к категории гендера в ее языковой, речевой и шире – коммуникативной манифестации. Гендерные аспекты языка стали объектом исследования выделившейся в отдельную дисциплину лингвогендерологии, или гендерной лингвистики. Особенности концептуализации женского и мужского в русском языковом сознании рассматриваются в работах Е. И. Горошко [2], А. В. Кирилиной [4], Г. Г. Слышкина [7]. Гендерные

концепты в настоящее время являются ареной действия особенно интенсивных трансформационных процессов, что обуславливает необходимость дальнейших исследований в этом направлении на современном речевом и ассоциативном материале, который отражает изменения в структуре языкового сознания (и отдельных его единиц) носителей данной лингвокультуры с наибольшей очевидностью.

Целью данного исследования является качественный (лингвокультурологический) анализ структуры и содержания ассоциативного поля ЖЕНЩИНА, репрезентирующего синхронный актуальный срез соответствующего концепта, его «верхнюю ноту».

Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в Харькове в 2010 году; информантами стали мужчины и женщины (носители русского языка и русско-украинского билингвизма) в возрасте от 16 до 40 лет, обучающиеся или получившие образование в разных отраслях науки в высших учебных заведениях. Анкетирование проводилось в письменно-письменной форме. Для большей объективности анализа гендерно маркированного концепта в рассматриваемой выборке из 300 анкет представлено равное число женских и мужских реакций на слово-стимул ЖЕНЩИНА.

Согласно результатам эксперимента, сегодняшний ассоциативный портрет ЖЕНЩИНЫ выглядит следующим образом. В первую очередь отмечено ее материнское начало; призвание ЖЕНЩИНЫ состоит в том, чтобы давать и поддерживать жизнь (*мать 42, мама 9, беременная 3, дети 2, и мать 1, ребенок 1, рождение 1, дает жизнь 1, жизнь 1, начало жизни 1*). Другой признак, не менее часто приписываемый ЖЕНЩИНЕ респондентами обоих полов, – «красота», при этом его номинативная плотность оказалась наибольшей (*красивая 25, красота 18, красавица 2, грациозность 1, идеал красоты 1, изящество 1, обаяние 1, прекрасная 1, привлекательная 1, привлекательность 1, сексуальность 1, симпатичная 1, стройная 1, ухоженная 1, элегантность 1*). Также ЖЕНЩИНА устойчиво ассоциируется с мужчиной (*мужчина 24*), хотя данная реакция значительно уступает по частоте тем, что реализуют два вышеуказанных признака.

Еще одним достаточно регулярно соотносимым с ЖЕНЩИНОЙ понятием стала «любовь» (*любимая 7, любовь 7, любить 1, оплот любви 1*). Женщину называют богиней и святыней (*богиня 4, святыня 2*)! Она добра и заботлива (*забота 6, добрая 2, доброта 1*), умна и мудра (*мудрая 2, ум 2, разум 2, мудра 1, умна 1*). Что-то неуловимо свойственное женской природе роднит ее с кошкой (*кошка 6*).

ЖЕНЩИНЕ, с одной стороны, традиционно отводится роль хранительницы домашнего очага, роль жены и хозяйки (*жена 4, семья 1, очаг 1, хозяйка 1, уют 1*), а с другой – она обладает также волевыми и лидерскими качествами и стремится к власти (*сильная 5, власть 1, воля 1, деловая 1, импозантная 1, решает 1, директор 1, свободная 1*). А такие ассоциаты, как *лесбиянка 1* и *феминистка 1*, уже не просто свидетельствуют о выделяемых в ЖЕНЩИНЕ «маскулинных» свойствах, а ставят ее в прямую оппозицию с МУЖЧИНОЙ.

Ассоциативный шлейф концепта ЖЕНЩИНА включает также такой метонимический ряд: *туфли 1, платье 1, юбка 1, волосы 1, косы 1, грудь 1*.

Негативно коннотированные ассоциативные характеристики ЖЕНЩИНЫ единичны (*ведьма 1, стерва 1, интриги 1, коварность 1, непостоянность 1, хитрость 1, лукавая 1*).

Такой ассоциативный портрет ЖЕНЩИНЫ, взятый в своей концептуальной целостности, не является принципиально новым, однако налицо явное количественное перераспределение привычно ассоциируемых с ЖЕНЩИНОЙ признаков, заметны определенные семантические сдвиги в структуре концепта. Первой и наиболее характерной особенностью наших результатов в сопоставлении с представленными в ассоциативных лексикографических источниках стало уменьшение значимости реакции *мужчина*, отошедшей на второй и даже третий план (в «Ассоциативном тезаурусе современного русского языка» и «Славянском ассоциативном словаре» реакция *мужчина* обозначена как наиболее частотная [5:52 ; 6:114]). Вместе с тем в ассоциативном образе ЖЕНЩИНЫ закрепляются ее «маскулинные» свойства и характеристики и отходят на периферию те «феминные», которые связаны с социальной ролью жены и домохозяйки. Заметим также, что два основных признака, вокруг которых формируется образ ЖЕНЩИНЫ, – «материнство» и «красота», – не отсылают прямо к отношениям женского и мужского. Принимая во внимание данные факты, можно сделать вывод, что концепт в такой ассоциативной аранжировке становится менее поляризованным изнутри, т.е. оппозиция ЖЕНЩИНА – МУЖЧИНА, ранее определявшая исследуемый концепт в русском языковом сознании, обнаруживает тенденцию к деактуализации.

Можно предположить, что такие существенные структурные трансформации ассоциативного поля ЖЕНЩИНА напрямую связаны с влиянием на языковое сознание харьковчан фактора русско-украинской лингвокультурной интерференции. Данные «Славянского ассоциативного словаря» по украинскому языку свидетельствуют о еще меньшей выраженности семантики мужского в содержании концепта. Первые ранги украинского ассоциативного поля выглядят следующим образом: *мати 40, красива 37, краса 23, гарна 18, кохана 16, ніжність 14, чоловік 12, вродлива, ніжна 9* [6:115]. Можно видеть, что количественный показатель реакции *чоловік* значительно ниже показателей реакций, формирующих признаки «красота» и «материнство». Факт погруженности языкового сознания жителей Харькова в украинскую национальную среду вполне мог оказать определенное воздействие на ассоциативные модели реагирования респондентов.

Тем не менее, есть все основания и для суждения о том, что ассоциативные представления о ЖЕНЩИНЕ, как они явлены в текущий момент в результатах проведенного нами эксперимента, действительно претерпели определенную концептуальную эволюцию за последние десять лет. Ассоциативные данные, собранные Е. И. Горошко на территории «русскоговорящей» Восточной Украины в 1998–1999 гг., свидетельствуют о все еще большем в это время весе «мужских» референций в концептуализации женского [2]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод: обозначенная тенденция, по всей видимости, является не только следствием воздействия на сознание информантов специфичных лингвокультурных условий, но и явным показателем динамики языкового сознания, причем свое хронологическое начало она берет уже в новом тысячелетии.

Следует отметить также появление новых и весомых аксиологических акцентов в ассоциативном образе ЖЕНЩИНЫ – ассоциатов *богиня* и *святыня* – и в целом ярко положительную эмоциональную окрашенность концепта.

В свете обнаруженных изменений в структуре и содержании ассоциативного поля ЖЕНЩИНА представляется существенным определить, наблюдается ли в данном случае принципиальная разница между мужской и женской стратегиями реагирования. Проанализировав рабочую выборку с точки зрения влияния фактора половой принадлежности респондентов на полученные результаты, мы пришли к следующим выводам.

– Три основных признака, составивших ассоциативное ядро концепта ЖЕНЩИНА, – «материнство», «красота» и «мужчина», – были в равной мере сформированы мужскими и женскими реакциями, т.е. первые ранги в структуре ассоциативных полей у мужчин и женщин выглядят одинаково. Явных расхождений между женским «автоассоциированием» и тем, какой ЖЕНЩИНА представляется мужчине, нами не обнаружено.

– Мужские реакции оказались более стереотипными, чем женские. В женском ассоциативном поле было выявлено 80 рангов, тогда как в мужском – 68, причем у мужчин дважды встретился продублированный стимул *женщина*, указанный в качестве реакции.

Так, практически все единичные реакции, дополнительно реализующие признак «красота», были указаны именно женщинами. Эта особенность женского ассоциативного поведения – стремление к нетривиальности реакций – отмечалась исследователями [2] и в очередной раз нашла свое подтверждение.

– Большинство мужских единичных реакций окказионально, их невозможно сгруппировать по какому-либо общему признаку (*полная, поет, вино, источник радости, хочу, Ларс фон Триер, силуэт, синий, старая* и др.).

– Для женского ассоциативного мышления оказалась в данном случае релевантной категория «сильный» / «слабый», реализованная в структуре смешанного ассоциативного поля исключительно за счет женских реакций (*сильная 5, слабая 1*).

– Метонимические отсылки к какой-либо части женского тела или предмету одежды оказались сугубо женской стратегией реагирования.

– Признак «любовь» представлен (и качественно, и количественно) в основном мужскими реакциями (*любовь 6, любимая 6, любить 1, оплот любви 1*).

– Реакция *богиня*, встретившаяся четырежды, во всех случаях была указана женщинами.

Проведенное нами исследование, с одной стороны, в очередной раз продемонстрировало, что система концептуальных значений и связей в языке пребывает в постоянном движении и обновлении, при том что основы языковой картины мира остаются прочными и стабильными. Однако первый век нового тысячелетия успел себя зарекомендовать как эпоха переоценки ценностей, и возможно, описанные изменения в содержании одного концепта являются частью

более масштабных трансформационных процессов в русском языковом сознании. Диагностика, регистрация и анализ форм изменения языкового (в частности, ассоциативного) сознания представляются нам приоритетной задачей исследования проблем взаимодействия языка / речи и сознания / психики в условиях культурной реальности.

Литература

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. — Х. ; М. : РА — Каравелла, 2001. — 320 с.
2. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е. И. Горошко. — М. ; Х. : ИНЖЭК, 2003. — 440 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.] — М., 1994. — Кн. 1. — С. 191 — 218.
4. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : [учебное пособие для студентов высших учебных заведений] / А. В. Кирилина. — М.: РОССПЭН, 2004. — 252 с.
5. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка : в 6 кн. Кн. 1 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.] — М.: Помовский и партнеры, 1994.
6. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — М., 2004. — 792 с.
7. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота / Г. Г. Слышкин // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации : [альманах]. — М., 2002. — С. 66-73.
8. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Язык. Сознание. Культура [электронный ресурс] : сб. материалов семинара по проблемам языкового сознания. — М., 2006. —1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских/ Н. В. Уфимцева // Язык. Сознание. Культура [электронный ресурс] : сб. материалов семинара по проблемам языкового сознания. — М., 2006. —1 электрон. опт. диск (CD-ROM).